

Православная Русь

РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ, В НЕЙ ЖЕ ТЕБЕ УТВЕРЖДЕНИЕ!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскресе!
 Как я вам по-человечески, по-настоящему завидую, видя вас, как вы спокойно, как вы собранно, как вы духовно встречаете наступившую Святую заутреню, наступившую Пасху. А было другое время, да и сегодня оно осталось в сердцах большинства россиян. Нам было запрещено праздновать Пасху, нам нельзя было говорить, что Христос Воскрес, нам нельзя было ходить в церковь, нам нельзя было вспоминать о Боге — в страшное время советской власти. В XX веке, в довоенные годы, было запрещено читать русскую классику: Пушкина, Достоевского, Толстого... Были безбожные пятилетки. Были разрушены храмы. Было уничтожение священников — совести нашего народа. И хотели физически устранить, убить Бога в нашем сердце. Не вышло, не получилось. Запомните, дети послевоенного времени, в 45 году, а это были Пасхальные торжества, Пасха

была 6 мая, — ни один военачальник нам не сказал «Христос Воскресе», не поздравили русских людей с Пасхой. А ведь солдаты, рожденные в конце XIX — начале XX веков, они были крещенные, они были православные. Провожая на фронт, каждая мать говорила своему сыну: «Вот тебе крестик, где-то в гимнастерке зашей его. Вот тебе записочка с псалмом "Живый в помощи Вышнего..."». Мы это все находили на убитых. Мы и тогда еще веровали. Так почему же в победный день, когда в Кремле собрались все военачальники, в кремлевском зале был пир горой, когда «великий учитель всех народов и всего мира» товарищ Сталин сказал про великий русский народ, не прозвучало «Христос Воскресе»? Потому что так боялись коммунисты этих слов — «Христос Воскресе!» Так почему же сегодня говорят о том, что коммунисты были такие верующие, хранящие

веру русского народа, что всегда они молились с нами? Обман. Кто же, когда же, в какой же год, месяц и день носил Казанскую икону, Владимирскую, на какой участок фронта? Чтобы коммунисты нам разрешили в страшное время войны идти на передовую к немцам, когда за то, что мы были в плену, нас «СМЕРШ» лупил, как только можно, до потери сознания. Тогда власти думали так: «Мы победили. Уж народишко, оставшийся в живых, мы сломаем». Нас и ломали. Я стал священником. В Никольском соборе в 58–60-е годы идешь освящать куличи, блокадников, хлебушек там, еще кое-чего немножко, потом идет Крестный ход, а вокруг страшнейший мат, пьяные девицы орут. Причт идет, а навстречу с баяном парень и кричит: «Ну, мы сейчас этим понам дадим, они будут знать Пасху!» Там были ребята по два метра росту, они были специально направлены сорвать

в Никольском соборе христианскую службу. Вот как нас били-то! Вот как стремились добить верующих людей после войны. А сегодня говорят о том, что нам легко и спокойно тогда давали молиться. Ложь!
 А вот горе наших дней. На Пасху в храм идут толпой причащаться некрещенные, не постившиеся, не молившиеся. Распустились, разболтались, развинулись. Воспринимают Таинство как таблетку. Это гордость — «я хочу», «я решила». Равнодушие, безразличие, непонимание того, что это Святые Святых, Святыня, так уж, будьте добры, к святыни надо готовиться. У меня есть свой опыт, полсотни лет, есть опыт до войны, есть опыт встречи со священниками того времени, и тогда никто не шумел, никто не возражал, все были напоены благодатью.
 Время сейчас сложное, время очень трудное, время, когда все больше и больше нас стремятся

изничтожить духовно. И поэтому, я вас прошу на будущее, вот эту мощь духовную, нами получаемую в храме, сохраните как драгоценную святыню в своей жизни. Мои дорогие, дай Бог вам хранить Веру Православную, хранить нашу традицию, а всех непутевых, кто вас будет сбивать, соблазнять «ах, почему», «ах, я», — не слушайте, не подчиняйтесь их безумию.
 Сегодня мы все причастники Пасхальной радости. Врата открыты. И в это сегодняшнее и грядущее время сохраните радость Пасхи. Она нам помогает нести скорби, испытания, жестокость, ненависть людскую. Она нам помогает быть верными русскими православными христианами. А наш долг помнить завет: «Русь Святая, храни Веру Православную!»
 Проповедь протоиерея
 Василия Ермакова
 в праздник Светлого
 Христова Воскресения
 1 мая 2005 года

«У народа, не сохранившего память о прошлом, нет будущего»

Не трогайте Победу наших дедов, Отцов и матерей, Не оскверняйте память павших, Земли Российской, сыновей. Храните память о Героях, Отдавших жизнь за жизнь других. Оставьте Родину в покое Во имя павших и живых.

Скоро мы будем праздновать Великий праздник Победы. И прежде всего вспомним о тех людях, которые отдали свои жизни за жизни других людей. Не меньшими Героями являются и те, кто перенес тяготы войны. Все Участники Войны совершили Подвиг и имя им — Победители. Мы не должны позволить Правде кануть в историю. Мы обязаны рассказывать о Подвиге русских людей. Не напрасной была их жертва, и своими трудами

и усилиями мы должны делать так, чтобы наша Мать-Россия шла по предначертанному Богом пути.

Сейчас многие пытаются переделать историю и умалить подвиг русского народа во Второй Мировой войне, наша задача — сохранить правду о Победе и Победителях. Не случайно наш батюшка отец Василий Ермаков особое внимание уделял военным и постоянно рассказывал о военных буднях. Батюшкина любовь освещала нам дорогу, и многие получили из его рук путевку в жизнь. Отец Василий Ермаков говорил: «Есть такое понятие — Правда Жизни. Она не всегда приятна, подчас горька, но её надо сохранять».

Вячеслав Воробьев, генерал-майор СКВР, ветеран боевых действий

склады, сжигали наши дома — выполняли приказ. Помню, там был один наш сосед, мы ему говорили: «Николенька, ты уж не сжигай у нас». — «Приказ есть. Все сожжем». Был запас соли, так они облили все керосином, сожгли, и в 1942 году пошла у нас по городу «гулять» цинга. Ходил народ, и я тоже ходил, брали мы черную полусоженную рожь, промывали и пекли черные лепешки. Немцы над нами подтрунивали: «Жрите, вот что вам дали ваши коммунисты»...

В начале июля 43-го началась битва на Курской Дуге. Фронт приблизился и к нам. Стрельба, бомбежки. Мы прятались. Однако 16 июня немцы устроили облаву. И меня вместе с сестрой и семьей отца Василия Веревкина под конвоем погнали на запад. В сентябре сорок третьего я оказался в Эстонии в лагере Палдиский и пробыл там до середины октября. Таких, как я, оказалось там около ста тысяч. В лагере царил нечеловеческий условия: высокая смертность, голод и болезни, но нас поддерживало Таллинское православное духовенство. Приезжали священники, привозили приставной Престол и совершали богослужение. Из детей-лагерников они сформировали чудесный хор, в котором и я пел. Для меня это было духовным подкреплением. Богослужение совершал священник Михаил Ридигер, отец Святейшего Патриарха Алексия II.

Через некоторое время Таллинское духовенство обратилось к немцам с просьбой отпустить из плена отца Василия Веревкина и его семью. Те пошли навстречу

Однажды я посетил место подвига русских солдат, поле боя у села Прохоровка. Их погибло там множество тысяч. Я видел там танк-памятник. Это было страшнейшее исчадие ада, многотонная железная машина, и еще с безумным немецким танкистом. Кто мог додуматься до такого? Теперь этой машины там нет. На ее месте стоит часовня, в которую мы можем зайти, поставить свечу, перекреститься. Это наша малая дань им, тем погибшим мученикам. Довольно поминать наших погибших воинов гипсовыми памятниками — безумными, без всякого содержания. Нужно, чтобы каждый пришел в храм, постоял, вздохнул, задумался о том, о чем говорит горькое прошлое нашей прошедшей войны.

Я хорошо помню то время, когда они, придя с фронта с орденами и медалями на груди, всего только два года получали от нашего

вырастить свое. Неужели в нашем государстве до сих пор еще не нашлись люди, которые могли бы не просто накормить, а закармливать всю Россию-Мать? Пресловутые законы принимаются властями, которые не понимают нашего бедственного положения на сегодня и еще больше его усугубляют. Вот поедешь по России-Матери — поля-то брошены, окна в домах в деревнях забиты, а ведь когда-то жили здесь русские, землю обрабатывали.

Не все еще у нас образцово, как этого хотелось бы. Вот поэтому священники должны напряженно трудиться и молиться, чтобы каждый, нашедший дорогу к храму, чувствовал радость общения с ними, с братьями и сестрами во Христе. Много зависит от того, как мы, священнослужители, понимаем свой народ, его запросы, чаяния и стремления. Если мы с народом — то храм открыт, и люди на службу

«Мне хочется, чтобы правду услышали все...»

протоиерей Василий Ермаков

До 14-ти лет я в храм не ходил, молился дома, вместе с родителями и сестрами. В моей детской памяти запечатлелись 25 заколоченных храмов без крестов моего родного города Болхова. Церкви стояли с разбитыми окнами, на их стенах виднелись хулиганские надписи. Я же никак не мог понять, чего добиваются эти «писаки», почему им мешают храмы. Это были лихие 30-е годы. Тогда по всей России наблюдалась такая картина.

Когда наступали христианские праздники, нам было строго запрещено их отмечать. Например, если кто-то умудрялся принести в школу пасхальное яйцо, его грозились исключить из школы. Также запомнились огромные плакаты со стихами Демьяна Бедного, типа: «Попа не принимаю, пошел, поп, ты вол!».

Не могу я также до сих пор забыть, как в феврале 1932 года гнали священников в Орел, в тюрьму. Стоило кому-то что-то хорошее сказать о священнослужителях, так они следом отправлялись за ними. Все это безбожье продолжалось до 1941 года. Началась война. Я был свидетелем трагического отступления наших войск. 9 октября 1941 года в город вошли немцы. Вскоре прошел среди оставшихся жителей слух о том, что собираются открыть церковь. 16 октября был открыт храм во имя святителя Алексия Митрополита Московского. Где брали святых для вновь открывшегося храма, не помню. Ведь все было разграблено, разорено...

Нашелся и священник. Это был наш сосед отец Василий Веревкин. С 1932 по 1940 год он отсидел в лагерях на лесоповале в Архангельской области. Я с его сыном учился в одной школе, мы были друзьями. Ровесники дразнили его, что он — сын попа...

Да, мне сначала казалось, что за мной они следили, смеялись и указывали пальцем. Но я на это не обращал внимания. К сожалению, в то время редко приходилось бывать в храме. И все потому, что нас, молодежь от 14 лет и старше, немцы ежедневно гоняли на работы под конвоем с 9 утра до 5-ти вечера. А дальше — комендантский час и запрет хождения по городу.

Очень трудным был 1942 год. Тогда фронт стоял от нас в восьми километрах. Однажды под Рождество я с родными пошел в храм. В переполненном храме, где было до трех тысяч молящихся, наблюдал поистине настоящую, глубокую молитву русских людей. Обмануть не до конца, они опомнились и вновь приникли к Богу. В заплатанной одежде, старых платках, лаптях, они молились за близких, за свои семьи, за Родину. Молились со слезами на глазах... Только тогда я со всей ясностью ощутил «Небо на земле». И хор подобрался чудесный. И даже непонятный славянский язык я чувствовал сердцем. То был язык молитвы, веры! С 1942 года в редкие свободные часы я посещал храм и, быть может, впервые ощутил Благодать Божью, хотя, повторю, многого не понимал из Евангелия.

Священник отец Веревкин заметил, что я стал регулярно посещать церковь, и позвал в алтарь...

Жили мы в то время очень голодно. Советская власть нас просто предала. Был приказ Сталина: «Немцам не оставлять ни грамма хлеба, ни литра горючего». Ну, а мы-то, брошенное на растерзание врагов население? Как нам жить? В нашем городе все запасы хлеба, горючего были сожжены отступающими диверсионными отрядами. Они назывались истребительными батальонами. Сжигали

просьбе духовенства и отпустили Веревкина, который сопричислил к своей семье и меня с сестрой.

В Таллинне через два месяца после освобождения, когда я работал в штабе флота и получал документы как участник войны, я прошел допрос Таллиннского НКВД. Приехал в Орел — допрос. Приехал домой — опять допрос. В 1946 году, уже год как прошла война и отгремел парад победы, — еще допрос. Я учился тогда в Ленинградской Духовной Семинарии. Еще долго меня царпали, пытались обвинить в предательстве, назвать врагом народа. Я им говорил: «Я же мальчишка был. Таких, как я, было 80 миллионов в оккупации под немецким сапогом. Мы же не виноваты в том, что их допустили, что немецкий штандарт развивался даже на Эльбрусе...» Никаких разговоров. Дали «волчий билет», чтобы в течение суток я уехал, покинул свою родную Семинарию. Вот так Господь меня испытывал, выковывал веру во мне, чтобы я никогда не озирался, не оглядывался, никогда не падал духом во всех трудностях своего земного бытия. А трудностей было много...

У православных в Красной Армии всю войну оставалось лишь право на тайную молитву между кровавыми боями и безбожными речами командиров и политруков. Оставшиеся в живых ветераны, если они верили в Бога, помнят, как они обращались к Богу в глубине своего сердца. Поэтому я всегда вспоминаю со слезами на глазах тех многих наших солдат, которые не дожили до дня Великой Победы. Регулярно посещая воинские захоронения и совершая панихиды, всегда преклоняю голову перед их прахом и вспоминаю их великие деяния и заслуги в том, что мы победили, хотя, как поется в песне, «за ценой мы не постояли».

государства денежное вознаграждение за свои боевые награды. Кому пятьдесят, кому двадцать рублей. Потом через год-другой все было отнято. И все эти медали, омытые кровью, стали продаваться за полбутылки водки. Я живой свидетель этому. «Возьми орден Славы, возьми что хочешь, но только дай мне напиться с горя. Дай забыться». Нас тогда страшно унизила эта система сталинизма. Дорогой ценой была получена победа, но те, кто выжил в этой войне, кто стал калекой, кто получил заслуженные награды, они в конце концов стали не нужны этой системе. И потом все время нас постоянно давили и давили. Мы жили по закону «нельзя, не положено, не имеешь права». Если что, то «Сибирь воспитает», не нравится — «доставим на лесоповал». Был у немцев в плену, в лагере — «теперь отдавай наших лагерей». Колыма, Магадан, Сибирь. И мне хочется, чтобы эту правду услышали все те, кому не безразлична судьба и история своей Родины, и сохранили эту правду в своем сознании, в сердце, в жизни, передав ее детям и внукам.

Тысячу лет мы шли своей дорогой — к мощи, славе, богатству. Не случайно, что Бог даровал нам одну шестую часть всей земной суши, где все богатства, все природные ресурсы, — чтобы мы с толком, с умом, по-человечески, с любовью ими распоряжались. А как это идет — вы сами видите. Глянешь — лес разворуют, тут еще пожар нам помогает очень сильно, наши рыбные богатства уплывают японцам, корейцам, китайцам. Мы уже дошли до того, что кусок трески-то не купим, все уплывает норвежцам, все туда, а нас с вами кормят искусственной форелью, искусственной семгой. Все искусственные добавки, как будто мы на своей территории не можем

тянутся. Если являемся простыми требоисправителями в церквях — то это не священнослужители и это не служение Богу. Отсюда и прихожанин ведет себя, как на базаре — пришел, купил, что нужно, свечку поставил, взял иконочку, перекрестился пару раз и дальше пошел.

Среди моих духовных чад много военных. Я часто собираю военных, я их люблю. Ведь им нелегко выполнять сейчас свой долг, нести службу. 9 мая, в День Победы, мы всегда собираемся в нашем доме. Это около 50 человек, среди них — адмиралы, капитаны различных рангов, полковники, курсанты, солдаты и матросы.

Что касается духовного окормления, то оно должно быть в каждой части, а не только там, где солдаты служат при монастырях, будь то Валаам, Оптина Пустынь. Раньше на кораблях, в частях всегда был священник, который мог объяснить пришедшему солдату, зачем он служит, для чего служит. Патриотизм был настоящий, потому что служили-то Богу, Родине, а не каким-то непонятным идеям. Надо, чтобы воин понимал, за что он идет на смерть! Для нас всегда были раньше на первом месте вера, честь, достоинство, любовь к Отечеству.

Поэтому мое пожелание — чтобы вы всегда были русскими, всегда любили Россию, всегда, как трудно бы ни было, с молитвой обращались к Богу за помощью, чтобы всегда знали, понимали, говорили, что Господь с нами, Он спас в трудное время Россию, немецкий сапог нас не раздавил, так и никакой другой не раздавит. Завистливые, жестокие безумцы жизни, кто пойдет на Россию, он будет раздавлен могущественной рукой, ногой, умом и действием нашего великого русского народа. С праздником вас, дорогие мои! Христос Воскресе!

Три встречи

Каждый православный понимает, как тяжело без духовного наставника. Это как сирота. Жить-то живешь, но в люди выбиться труднее. В свое время Господь послал мне милость встреч с архимандритом Виссарионом, что в Троице-Сергиевой Лавре, со схигуменом Илием в Оптиной пустыни, на венчании с супругой нас благословлял отец Николай Гурьянов. Но я даже не задумывался над тем, каких духовных высот может достигнуть женатый священник.

Вспоминаю здесь рассказ отца Иоанна Крестьянкина: «В юности своей видел я на стене у одного священника картину. Река жизни. На одном берегу мы сейчас, на другом — Царство Божие. А река полноводная, бурная! И каждый хочет через эту реку переправиться. Вот гляди — батюшка приходской на ладье переправляется. Устал, бедный, утрудился. Матушка у него в ладье сидит, детки, а вокруг еще прихожане уцепились за край. Батюшка из сил выбивается — гребет веслами, вспотел, рукава ряссы засучил. Тяжело ему, а лодочку-то сносит. А рядом в маленькой лодочке монахи плывут. Оди-и-и сидят. Непросто ему, но он ее и так повернет, и так приловчится — удачно выходит... Так кому же, други мои, легче переправиться на тот берег? А?»

Где-то в году 1999-м, я служил тогда в г. Гусеве, приехали мои прихожане из Санкт-Петербурга и стали рассказывать, что есть такой батюшка замечательный о. Василий Ермаков, который зовет молодых священников, чтобы поделиться с ними своим пастырским опытом. По лени своей, да и по глупости, так ни разу и не съездил.

В 2004 году переводят меня в г. Балтийск. Там впервые познакомился с «серафимовцами» — духовными чадами Батюшки.

Июль 2005 г. Епархия отмечает свое двадцатилетие, готовятся к малому освящению Собора Христа Спасителя, ожидается приезд Патриарха. Практически все духовен-

ство в Соборе на торжествах. Как второй священник, я был оставлен служить в Балтийске. Было немного грустно: еще бы — такие события, впервые за всю историю этой земли на нее вступает Святейший Патриарх, а ты где-то в стороне. Настроение еще больше поубавил хор — в этот раз пел хуже некуда. И вот — помазание. Подходит капитан I ранга Анатолий Николаевич Жеребненко и говорит, улыбаясь: «Батюшка, отец Василий Ермаков здесь, в храме!» Это был гром среди ясного неба. Как? Такой известный, авторитетный священник — и вдруг у нас, в нашем-то храме! А тут еще я с таким настроением совершаю службу. И вот тихо подходит батюшка, одетый в гражданское, и, помазываясь, говорит: «Рад быть и молиться вместе с вами в этом святом храме». И так стыдно сделалось за свое настроение. Как же Господь все премудро устроил!

На следующее утро настоятель опять уехал в Калининград, так что я служил Литургию сам. Батюшка Василий молился рядом, в алтаре. Кстати, Патриарх тогда так и не приехал, но вот у меня было четкое ощущение, что у нас в храме идет Патриаршее Богослужение и молюсь я вместе с Патриархом. Мне тогда пришли на ум слова тропаря святителям: «Правило веры...», и стало понятно, что Батюшка и есть это правило веры, маяк, указывающий дорогу, Божий камертон, по которому нужно сверять свою духовную тональность.

Вечером мы с супругой были на квартире у Анатолия Николаевича. Позвал нас сам Батюшка. И так легко и просто было с ним общаться, как будто мы были знакомы много лет. Засиделись допоздна. Стали прощаться. И вдруг Батюшка говорит жене: «Дай-ка, за тебя поддержишь». И кладет ей руку на живот. Так батюшка увидел нашего четвертого сына — Григория, о котором мы и не догадывались.

В декабре 2006 г. мы с супругой собрались к Батюшке. В Петербурге я понял, какое было счастье

общаться с отцом Василием в Балтийске, фактически с глазу на глаз, когда его никто не дергал. Здесь же было просто не подойти — море людей, и каждый со своими вопросами, проблемами, скорбями. Батюшка выглядел уставшим, был сосредоточен. Отвечал на вопросы, постепенно продвигался к храму, где начиналась Всенощная. Лишь в алтаре удалось немного поговорить. Причем подзывал он сам, сам спрашивал и отвечал, кратко и по существу, не допуская пустой болтовни. Утром за Литургией читалось Евангелие о милосердном самарянине. Батюшка весь погрузился в Слово Божие, а когда закончили читать, сказал, не обращая ни к кому, но так, чтобы слышали все в алтаре: «Иди, и ты поступай так же».

Благословляясь в обратный путь, я сказал, что нужно в Витебске забрать иконы для нашего монастыря, и попросил помолиться. Отец Василий говорит: «Поезжай, но аккуратно, дорога нелегкой будет». На молебен остаться не благословил, а сказал ехать сразу. Уже в десять часов вечера, подвезая к Витебску, в который раз подумал, как мудр Батюшка, ведь если бы остались на молебен, ночевать пришлось бы не у знакомых в городе, а на трассе.

Через сутки подыехали к белорусско-литовской границе. Иконы, которые мы везли, предназначались для иконостаса. Они были большими, с человеческий рост, покрыты сусальным золотом. Таможенник, как только увидел иконы, наотрез отказался нас пропустить, сказал, что нужно ехать в Минск, делать документы, подтверждающие, что иконы не представляют исторической и культурной ценности. На дворе час ночи...

Едем на другой погранпереход. По дороге молюсь: «Батюшка Василий, помоги!». Подъезжаем на досмотр. Выходит белорусский таможенник, видит меня и матушку и спрашивает: «А почему ксендзы не женаты?» — «Да потому что глупцы» — «Я тоже так думаю, давайте ваши документы». Через минуту выходит: «Все в порядке, счастливой дороги!» Про груз ни слова!

Заявляем на литовскую территорию. Выходит таможенник, забирает документы, в машину не глядит. Следом выходит второй, видит, что от нашей машины отходит таможенник, и идет к следующей машине. А тот первый, проверив документы и поставив штампы, подумал, что машину проверил его напарник. Подошел, отдал документы. Все, можем ехать дальше. Остаток пути, по молитвам Батюшки, был без приключений.

3 февраля 2007 г. поздно вечером звонок. И уже на следующий день лечу в Петербург, на третью встречу с о. Василием. Иду к храму и думаю, что не смогу спокойно подойти к гробу. Это странно для священника, ведь каждый день провожаешь кого-то в «путь всея земли». Но эта горечь утра была особенно тяжелой и невосполнимой. И вдруг, подходя к храму, не верю своим ушам — «Христос Воскресе» поют! Всю эту тяжесть как рукой сняло. Потом лития по новопреставленному, ночная молитва, Литургия, отпевание... Правило веры. Батюшка казался еще ближе, чем когда-либо.

И его руки! Есть такое понятие — печать смерти. Как бы человек не выглядел в гробу, но руки и лоб — холодные, липкие, как камень после осеннего дождя, они вконец уверяют, что смерть вступила в свои права. А здесь были мягкие теплые

руки человека, который уснул, уставши от трудов праведных.

Три встречи, сколько это? Будь на месте отца Василия кто-то другой, я, наверное, ответил бы, что это очень мало. Но это был отец Василий Ермаков, и даже то малое время общения дало мне и моей семье огромные духовные силы и вектор движения, в направлении которого, с Божьей помощью и по молитвам Батюшки, следуем.

Зная особое отношение Батюшки к тяжелым годам военной поры и его почитание всех павших во время войны, наш приход в поселке Взморье взял на себя обязанность ухаживания за памятником павших во время войны и организацию праздника посвященного Дню Победы. Прихожане готовят ветеранам подарки, и, конечно, организуем «Братчину».

Отношение Батюшки к военным всегда было особо подчеркнуто. Следуя его примеру, я окормляю воинскую часть, находящуюся в поселке Черепановка. Мне часто приходится общаться с военнослужащими, как с офицерами, так и с рядовыми, и что хочется отметить — тяга у людей к вере все увеличивается.

И еще. Надеюсь и верую, что будет четвертая встреча у Престола Божия, там, где несть болезней, ни печаль, ни воздыхание, но Жизнь бесконечная!

*Иерей Александр Ларченко.
Настоятель храма пророка Илии п. Взморье, Калининградская область*

Добрый Пастырь воинства

В преддверии 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и всех праздничных мероприятий, посвященных этому Юбилею, еще и еще раз обращаюсь к светлой памяти отца Василия Ермакова, нашего любимого духовного наставника, живущего в благодарных сердцах его духовных чад. Вспоминается, как ежегодно в День 9 мая соборно молились на Литургии священство и прихожане Серафимовского храма, значительную часть которых в этот праздничный день составляли ветераны военной службы и военнослужащие в парадной форме одежды. Как затем совершался крестный ход к поминальному Кресту и мемориалу воинов-подводников «Курска», совершались панихиды и батюшка говорил проникновенные слова о вечной памяти погибшим воинам и умершим в блокаду жителям Ленинграда. Сколько людей своей любовью батюшка объединял вокруг себя, отдавая каждому частичку тепла своего сердца! Ведь у каждого из нас своя жизнь, радости и скорби, свои проблемы, но батюшка, покрывая всех вниманием и любовью, приводил нас к вере в Бога и укреплял в ней, молился за нас и учил жить.

По милости Божией, впервые я встретился с батюшкой в

ноябре 1991 года. К этому времени, несмотря на имеющийся жизненный опыт, включающий обучение в Полтавском высшем зенитном ракетном командном училище, службу в войсках в ГСВГ и на Дальнем Востоке, учебу в Военной артиллерийской академии и адъюнктуре, в моей жизни не было главного — я не знал Бога. Когда во время очередного отпуска на родину моей жены Ксении стало известно, что я не крещен, она стала спрашивать у батюшки, как же быть и что делать? Батюшка благословил привести меня для крещения и назначил время. Жена взяла меня за ручку, как маленького, хотя я в то время был уже преподавателем на кафедре управления войсками Военной артиллерийской академии, подполковником, и после занятий, в военной форме, привела меня в храм на Серафимовском кладбище. Так, на первый взгляд просто, а на самом деле промыслом Божиим, был сделан первый шаг к спасению, и я попал к батюшке. Батюшка совершил надо мной Таинство Крещения, и до сих пор эти события свежи в памяти. Затем было первое Причастие, и помнятся приветливые лица прихожан, радующихся за причащавшегося офицера, что было не совсем обычным в то, еще коммунистическое, время. Позже,

напоминая младенца, пытающегося научиться ходить, я стал повторять все ошибки духовного возрастания, падая и вставая, но, всегда ощущая молитвенную помощь и поддержку батюшки, пытаюсь выполнять его наставления.

Где-то в 1996-97 годах батюшка спросил у моей жены: «Ксеньюшка, как там моего крестника еще не рукоположили?» В ответ удивленная таким вопросом жена ответила: «Батюшка, как же его рукоположат? Он же военный, полковник». Батюшка сказал просто: «Ну-ну, посмотрим». Когда дома жена рассказала мне об этом разговоре, я был удивлен и даже подумал, что батюшка меня с кем-то перепутал. В августе 1998 года я написал рапорт об увольнении из рядов Вооруженных Сил и в мае 1999 года прекратил военную службу, уволившись с должности заместителя начальника кафедры управления войсками Военной артиллерийской академии при стаже военной службы 27 лет. В моей жизни произошел крутой поворот в нужное русло.

По благословию архимандрита Наума, насельника Троице-Сергиевой Лавры, в праздник Крещения Господня 2000 года в Преображенском кафедральном соборе города Иваново я был ру-

коположен в сан диакона и затем проходил в течение трех месяцев становление в служении в Свято-Николао-Шартомском монастыре Ивановской епархии. После возвращения из монастыря в апреле 2000 года я пришел к батюшке с вопросом, как мне быть дальше и как учиться? Батюшка, внимательно выслушав, сказал: «Ходи ко мне и больше никуда. Я тебя всему научу». Вот так по его благословию я служу вне штата диаконом, в основном, в воскресные и праздничные дни, в храме преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище.

С благодарностью Богу за все, произошедшее в моей жизни, вспоминаю непосредственное служение

с батюшкой на протяжении семи лет, возможность тесно общаться с ним и выпитывать его любовь и заботу о своих чадах, перенимать его жизненную мудрость и духовный опыт, внимательное отношение к людям и стремление им помочь.

Батюшка с особой любовью общался с людьми военными, ранее служившими или продолжающими военную службу сейчас. Пытаясь найти источник этой любви, я невольно прихожу к выводу о том, что священническое и воинское служение очень близки по своей сути, имеют в своей основе жертвенность и самоотверженность, поэтому, будучи сам священником с огромным духовным опытом, *окончание на стр. 4*

начало на стр. 3

Батюшка понимал суть воинского служения. С другой стороны, батюшке в юношеские годы пришлось перенести сильнейшие потрясения и горе в период Великой Отечественной войны, испытать лишения оккупации и концлагеря, и он воочию видел скорбь советского солдата, отступавшего в 1941 году, и радость солдата-освободителя в 1944-1945 годах. Поэтому люди в погонах вызывали у батюшки большое уважение, и он стремился отдать дань памяти Воинам Великой Отечественной войны и оказать знак уважения военным послевоенного поколения, приглашая их на чествование Великой Победы в храм на Серафимовском кладбище. Я думаю, батюшка таким образом, с одной стороны, воцерковлял военных, укреплял их в вере, а с другой стороны, эти встречи в День Победы были огромным примером духовно-нравственного воспитания курсантов военных училищ и молодых офицеров. Нисколько не умаляя значения батюшки в духовном окормлении своих пасомых, мне бы хотелось подчеркнуть его важнейшую роль, как Доброго Пастыря воинства.

Вечная Память протоиерею Василию Ермакову! Вечная Память погибшим воинам и умершим блокадникам в годы Великой Отечественной войны! Всех живущих с Праздником 65-й годовщины Великой Победы!

Диакон Владимир Демченко, полковник запаса, кандидат технических наук, доцент.

«Врагу не сдастся наш гордый „Варяг“...»

В один из приездов к нашему батюшке отцу Василию Ермакову, а было это на Рождество Христово в 2006 году, я и моя супруга Людмила во время вечерней службы находились в пономарке в храме. Из алтаря выходит к нам батюшка и говорит: «К 9 Мая приезжайте с сыном (он у нас военно-морской офицер) и внуком. Да, чтобы внуку форму морскую пошили, а на бескозырке написали «ВАРЯГ». И отец Василий пропел «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...». И стала моя супруга обдумывать — как указание батюшки выполнить. Первая мысль — «брюки черные у внука есть, нужно только перешить фланку и переделать бескозырку». Утром, на следующий день, батюшка встречает нас со словами: «Дудочки, мать, не годятся. Клеша шей (те брюки, о которых думала моя супруга, действительно были узкими)! Да, материю, Люся, купи им, нет у них материю». Возвращаемся домой в город Балтийск, а невестка наша говорит, что ткань на брюки у нее есть. Настало время подготовки ко Дню Победы 2006 года, и невестка взялась за шитье брюк, а ткань-то не хватает! Моя супруга пошла в магазин покупать материю на брюки, как и сказал батюшка: «...которой ведь у них нет». На праздник вся наша мужская половина семейства прибыла одетой в парадную форму одежды, в том числе и внук. Был он одет в форму матроса

крейсера «Варяг». С огромной радостью батюшка встретил нашего внука, одетого в форму, и гордился тем, что еще на одного моряка стало больше.

Отец Василий очень любил военных, и об этом знают все. Как на душе у него было радостно, когда в храме у себя на Серафимовском кладбище он видел, что с каждым разом офицерских и курсантских погон становилось все больше и больше, а это значит, что есть на Руси настоящие мужчины, готовые по первому зову выступить на защиту своей Родины. Как-то раз батюшка Василий сказал фразу, которая, наверно, и была основой его любви к военным — «Настоящий мужчина должен быть или священником, или военным!».

Особое внимание он уделял военно-морским офицерам, наверно, из-за особой сложности службы. Батюшка говаривал: «Кто в море не ходил, тот Богу не молился!». Тяжелую утрату понес наш батюшка Василий 12 августа 2000 года и вместе с ним все мы — россияне — гибель атомного подводного крейсера «Курск». Всем было тяжело, а отцу Василию вдвойне, потому что на «Курске» погиб, выполняя свой священный долг по защите нашей Родины, духовный сын батюшки Багрянцев Владимир Тихонович, капитан I ранга. Сколько сердечного тепла, внимания и своей теплоты отдал отец Василий семьям погибших на «Курске». Как батюшка радовался, что младший сын капитана I ранга Багрянцева В.Т. Игорь пошел

по стопам своего отца. Сейчас Игорь Багрянцев курсант 4 курса Балтийского военно-морского института имени адмирала Ф.Ф. Ушакова и мечтает служить, как и его отец, на подводной лодке Северного флота.

Регулярно встречаясь с прихожанами в храме у батюшки, и, по его благословению, с некоторыми из них мы тесно подружились и стали настоящими братьями и сестрами во Христе. Ну, а при встрече, садясь за стол, мы всегда поднимаем второй тост за нашего родного батюшку — отца Василия и пьем, как за живого, потому что он есть и всегда будет для нас живым. В трудные минуты жизни, как и прежде, мы продолжим обращаться к нашему дорогому и любимому батюшке Василию, и он не оставляет нас. Его помощь мы ощущаем всегда.

Бывая в различных местах нашей Родины и даже за ее границами, общаясь с людьми, достаточно назвать имя отца Василия Ермакова, и ты не перестаешь удивляться тому, какой это был замечательный человек. Его знают и в Калининграде, и в Балтийске, и в Севастополе, и в Закарпатье, и в Санкт-Петербурге, и в Москве — ВЕЗДЕ! Какой же щедрый на любовь наш батюшка Василий, что знают его везде, даже те, кто его никогда не видел, а только слышал о нем. Простые люди, в том числе многие священники, особенно молодые, хотят как можно больше узнать об отце Василии Ермакове.

Капитан I ранга Анатолий Жеребченко и Людмила Жеребченко г. Балтийск

Наш Батюшка Василий

Я родилась в городе Балтийске Калининградской области в то время, когда на весь регион не было ни одного храма. И, наверно, мне повезло, что мои родители в это время учились на заочном отделении и очень часто отвозили меня в Белоруссию, в деревню к бабушке и дедушке.

В то счастливое время бабушка своей любовью и заложила в меня, маленького ребенка, понимание того, что есть Господь Бог, Матерь Божия, десять заповедей Божиих и научила по-детски молиться.

В дальнейшем за время учебы в школе и институте, где в головы учащихся закладывались основы атеизма, в голове все переверну-

лось: «Бога нет». И с такими духовными понятиями жилось до определенного времени. И вправду говорят, что «Бог поругаем не бывает».

Вернулась я к Богу (как тот «блудный сын» из Евангелия) через большой отрезок времени, через скорби, болезнь ребенка. По милости Божией на жизненном пути моей мамы произошли встречи с «серафимовцами». И в трудный период своей жизни я впервые попала на Серафимовское кладбище к отцу Василию Ермакову. Батюшка принял меня с сыном в своем домике во время отдыха. Общение было недолгим, все это время не проходи-

ло ощущение всепоглощающей любви. Батюшка дал мне силы выстоять, не упасть духом, не отчаиваться. После этой встречи все вопросы, какие нам надо было решать в Питере, с легкостью решались.

Я к Батюшке приезжала еще несколько раз в Санкт-Петербург. Встречи всегда были очень короткими. Но с каждой встречей моя жизнь все больше менялась, менялся мой круг общения. Я познакомилась с замечательными людьми — «серафимовцами», которые в любой ситуации всегда старались оказать помощь моей семье.

Последнее общение с батюшкой «вживую» происходило летом 2005 года в Балтийске в его приезд. Это была замечательная и незабываемая неделя для всех батюшкиных чад Калининградской области, среди которых немало и офицеров. Батюшка с огромной любовью относился к военно-морским офицерам, и они отвечали ему тем же. Офицеры сделали все, чтобы приезд батюшки к нам в Балтийск был интересным и запоминающимся. Так, капитан I ранга Жеребченко Анатолий Николаевич организовал для отца Василия экскурсию по городу Балтийску. Контр-адмирал Литвинов Виктор Иванович провел лично экскурсию в Военно-Морском музее Балтийского Флота. Потом адмирал и батюшка беседовали еще более часа, как будто они знакомы много

лет. Отец Василий как непосредственный очевидец и участник событий Великой Отечественной войны очень тепло относился ко всем военнослужащим. Капитан II ранга Вакулин Александр устроил посещение военной гавани на настоящем военном катере. В воинской части батюшка с радостью общался с матросами. Он сам попросил отвезти его в книжный магазин, где приобрел книги о Великой Отечественной войне.

После отъезда отца Василия в Петербург мне изредка удавалось дозвониться до него по телефону. Батюшка коротко давал ответы на вопросы. Я следовала его наставлениям, и проблемы легко решались.

Летом 2006 года у нас в семье начались большие проблемы, тяжело заболел папа. Я в то время часто звонила отцу Василию в Петербург, он поддерживал в этой ситуации и за нас всех молился. Чудесным образом удачно прошла операция. Врачи были удивлены, что папа выжил. У него больше месяца было заражение крови, лечащий врач сказал, что «вы своего отца вымолили».

В этот же период группа балтийских «серафимовцев» собралась ехать в поездку в Болхов на встречу с отцом Василием. Я тоже очень хотела поехать, но не смогла. Батюшка по телефону благословил решать семейные проблемы и сказал, что «ко мне приедешь через год».

3 февраля 2007 года батюшка почил. На похороны я не ездила. И все думала, что приехать теперь

смогу только на могилку. Я строила планы поехать в Петербург в сентябре 2007 г., но в июле все стало складываться по-другому. Во-первых, я попадаю на своей машине в аварию, в которой не виновата. Во-вторых, вечером после проведенного дня в ГАИ встречаю знакомую, и она вдруг предлагает поехать в августе в Петербург. А в третьих, в аварии моя машина мало пострадала, я ее даже не ремонтировала, но все равно мне страховая компания перечислила деньги.

На второй день приезда в Петербург я поехала на могилку к батюшке на Серафимовское кладбище. Там мне дали лист о поездке через день на открытие в Орле выставки, посвященной отцу Василию. Далее все происходило чудным образом: списки на поездку были составлены давно, но для меня нашлось одно место; стоимость поездки составила столько, сколько мне перечислила страховая компания за поврежденную машину. И я тогда поняла, что наш батюшка устроил мне эту замечательную поездку, потому что пообещал мне, что я к нему приеду через год. Во все время поездки не проходило ощущение, что батюшка живой и рядом с нами.

И это ощущение не проходит до сих пор. Я знаю, что батюшка нас, своих чад, любит, еще больше молится и помогает всем, особенно тем, кому приходится трудно.

Хорошева Ирина г. Балтийск

Учредитель и издатель: благотворительный фонд «Православная Русь» Санкт-Петербург, ул. Можайская, д. 14 тел.: (812) 710-14-27 e-mail: info@fondpravrus.ru www.fondpravrus.ru

Благодарим «Православную студию Петербурга» за предоставленные материалы

Благодарим за помощь в издании газеты Вячеслава Борисовича Воробьева, духовное чадо отца Василия

В газете использованы материалы из книги Н. Терещука «Встречи на перекрестках жизни» из слова протоиерея Василия Ермакова 9 мая 2001 г. в кинотеатре «Свет» Редактор: Е. Ермакова Фотографы: А. Сетраков, М. Шишков Использованы фотографии из личных архивов духовных чад отца Василия Верстка: И. Брейс

Газета отпечатана в типографии «Премиум-пресс» Санкт-Петербург, ул. Оптиков, д. 4 Подписано в печать: 08.05.2010 Заказ № 124 Тираж 999 экз. Распространяется бесплатно